

ЛОШИЦА ПОД РУКОЙ ПОСЛЕДНЕГО ПРУШИНСКОГО. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

LOSHITSA UNDER THE INFLUENCE OF THE LAST PRUSHINSKY. THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Н. М. НОВИКОВА

N. M. NOVIKOVA

Минск, Республика Беларусь

Minsk, Republic of Belarus

e-mail: dedal39@mail.ru

Царское правительство в течение нескольких десятилетий пыталось найти форму освобождения крестьян от крепостной зависимости. В предлагаемой статье говорится о том, как в условиях реформаторских поисков самодержавной власти, обострения политических и социально-экономических проблем осуществлял собственную хозяйственную политику помещик Прушинский, стремясь к существенным переменам в сельскохозяйственном производстве своего имения.

Ключевые слова: Евстафий Прушинский; вотчина; западнорусские губернии, национально-освободительное движение; крепостная зависимость; система инвентарей, товарно-денежные отношения; переустройство хозяйства.

For several decades, the tsarist government tried to find a form of liberation of the peasants from serfdom. The article talks about how in the conditions of reformist searches for autocratic power, aggravation of political and socio-economic problems, the landowner Prushinsky carried out his own economic policy, striving for significant changes in the agricultural production of his estate.

Keywords: Eustachy Pruszinsky; fiefdom; Western Russian provinces, national liberation movement; serfdom; inventory system, commodity-money relations; reorganization of the economy.

К середине века процесс разложения феодально-крепостной системы углубился настолько, что заговорили о её кризисе. В сельском хозяйстве Беларуси он проявился в том, что упала прибыльность помещичьих имений. Уменьшилось поголовье скота, выросли государственные недоимки, урожайность не превышала того, что давала земля

в XVI–XVIII столетиях. Развитие товарно-денежных отношений и увеличение потребностей в сельскохозяйственной продукции вызывали у помещиков Беларуси стремление поднимать производительность хозяйств, но попытки соединить труд крепостных с требованиями растущего рынка оставались безрезультатными. Крестьянина сельское хозяйство Беларуси не обеспечивало, и напряжённость в деревне нарастала. А белорусские провинции империи считались одними из самых неблагоприятных.

В начале 40-х годов размышления правительства о бедственном состоянии белорусских крестьян и облегчении крепостного права оформились в решение о введении в западных провинциях инвентарного положения. Западный комитет пришел к мысли, что неопределённость повинностей, их чрезмерность – главная причина тяжёлого положения крестьян. Предполагалось, что путь к освобождению от крепостной зависимости проложит система инвентарей (то есть описаний имений с показанием количества крестьян, скотины, наделов и повинностей), которые станут основой для регламентации взаимоотношений помещиков и их подданных.

15 апреля 1844 года вышел указ об установлении в западнорусских губерниях особых инвентарных комитетов, в обязанности которых входили сбор и рассмотрение инвентарей, представленных помещиками. В октябре такой комитет был создан в Минской губернии, в связи с чем обязанности Евстафия Прушинского значительно умножились, так как по выборам дворянства он был включён в его состав. Эта работа была очень обширной и шла медленно. По свидетельству М.В. Довнара-Запольского, инвентари составлялись недобросовестно, помещики, не заинтересованные в освобождении крестьян, постоянно нарушали размеры отработок, и в большинстве имений администрация была вынуждена сама составлять инвентари «за счёт владельцев» [1, с. 333].

26 июня 1846 года было составлено инвентарное описание имения Лошицы, «состоящего в отчинномъ владении Коллежского Ассессора Эвстафия Прушинскаго», 21 июля инвентарь был подписан, а «1848 года января 27 дня – подтвержден» [2, л.1–27].

Из этого интереснейшего документа узнаём, что в имении «налицо мужескаго пола 211 душ и женскаго 232 души, в том числе дворовых мужескаго пола 23 и женскаго 5 душ. В сем имении земли вообще 4 260 десятин, в том числе пахотной вместе с седибною 1 801 десятина, сенокосной 184 десятины, под водою и дорогами 43 десятины, под лесом

и зарослями 2 132 десятины. Крестьянских дворов – 45, и именно: в деревне Лошице – 7 дворов, в деревне Корзюки 16 дворов и в деревне Коледичи 22 двора».

Документ подробно описывает состояние крестьянских хозяйств, свидетельствуя об определённой зажиточности подданных. Согласно инвентарю, пахотной земли на всякий крестьянский двор приходилось «по 18 десятин, да сенокоса по 2 и 2/3 десятины. Почва земли везде одинаково суглинистая. Средний урожай 5 зернь» (при том, что для Минской губернии урожай озимых зерновых в среднем давал ежегодно в 2,7, урожай яровых в 2,6, и только урожай картофеля был выше – в 3,6 раз больше засеянного. [1, с.319]. Крестьяне занимались хлебопашеством и, пользуясь близостью Минска, за счет продажи картофеля и овощей выручали на всякий двор наличных денег около 20 рублей серебром, что свидетельствует о проникновении капиталистических элементов в хозяйство лошицких подданных. Кроме этого, многие держали пчел. Безлошадных на три деревни – Корзюки, Коледичи и Лошица – было 1–2 человека. При этом шестеро из семи домохозяев деревни Лошицы имели «служащих».

«Повинности сих крестьян, – сообщает инвентарь, – суть одинаковы, и именно: со всякого двора по 3 дни с упряжью и столько же пешком в неделю, да изгонных дней по 12 со всякой рабочей души в год. Добавочных никаких повинностей нет, кроме шарварковъ для починки мостов, плотин и разных хозяйских строений за уплату их наличными деньгами за всякий упряжный день по 15 копеек, за пеший по 10 копеек, с тем, однако, дабы число сих дней не превышало 6 упряжных и столько же пеших в год. Особых никаких выгод для крестьян в дачах владельца не предоставлено, всякого рода дерево покупают они от владельца за наличные деньги по существующим ценам или же по его усмотрению покупают в соседственных местах».

Относительно возраста работников инвентарь сообщает, что «мальчики от четырнадцати до восемнадцати лет, а девочки от четырнадцати до шестнадцати лет ... могут быть без уроков заняты лёгкими, не превышающими их силы работами за исключением пахоты, косьбы, молотьбы и переноса тяжестей. Крестьяне же мужеска пола от восемнадцати до шестидесяти, а женска от шестнадцати до пятидесяти пяти лет должны заниматься всеми теми работами, какие экономией указаны будут». При этом «крестьянам, вызванным к постоянным дворовым прислугам, владелец должен уплачивать каждому взрослому рабочему мужчине не

менее шести и каждой взрослой рабочей женщине не менее трёх рублей серебром».

Очевиден факт, что благосостояние подданных Евстафия Прушинского за 26 лет хозяйствования значительно укрепилось. Их численность выросла в два с половиной раза, при том, что общий прирост крестьянского населения в присоединённых белорусско-литовских губерниях по причине обнищания был ничтожным (0,25% в год) или вовсе отрицательным, шёл процесс постепенного вымирания белорусского крестьянства [1, с.309].

Владельцу пришлось немало потрудиться, чтобы вытащить вотчину из судебных процессов и долгов, заслужив репутацию одного из лучших хозяев Минской губернии. Вот такая характеристика была дана ему на страницах весьма уважаемого издания: «Евстафий Прушинский, человек незаурядных способностей и образования, имел в Лошице на протяжении нескольких десятков лет прекрасное хозяйство и, отличаясь необыкновенной добротой к подданным, довел их быт и хозяйство до цветущего состояния. Редкий пример взаимоотношения господ и подданных, и поэтому мы упоминаем это исключительное имя» [3, s.740].

К сожалению, инвентарь не даёт такой же исчерпывающей информации о самой усадьбе. Мы не располагаем точными сведениями о преобразованиях, происходивших непосредственно на её территории. И об усилиях, предпринимавшихся в XIX веке владельцами в этом направлении, можем судить лишь приблизительно. Скорее всего, превращения в сугубо производственном фольварочном хозяйстве начинаются с конца XVIII века, с момента, когда в старом доме поселяется семья подкомория Прушинского. Это меняет характер усадьбы. Из фольварка она превращается в резиденцию, что влечет за собой необходимость заботиться о придании ей благородного облика, соответствующего положению и вкусам обитателей. Дворное пространство освобождается от хозяйственных построек, а вокруг особняка начинает складываться парк пейзажного типа, который с течением времени становится достойной оправой Лошицкой усадьбы, а его дендрологический состав удивляет гостей богатством и разнообразием.

Работа по сбору и рассмотрению инвентарей в Минской губернии продолжалась два с половиной года. А когда завершилась, Евстафий Прушинский «во внимание усердной и неутомимой деятельности, оказанной по Минскому губернскому об инвентарях комитету, окончивше-

му с успехом сей обширный труд», 20 декабря 1846 года был «Всемилоостивейше пожалован Кавалером ордена Святой Анны 2й степени» [4, лл.106–4]. Но, получив награду и высокую оценку своих трудов, коллежский ассessor Прушинский накануне своего приближающегося полувекового юбилея уходит в отставку. При отсутствии сведений о его занятиях в это предреформенное время, осмелимся предположить, что он целиком посвятил себя заботам о вотчине, сосредоточившись на аграрном усовершенствовании имения.

В сельском хозяйстве Беларуси первой половины XIX века использовалась трёхпольная система земледелия с преобладанием посева зерновых культур. Стремясь повысить интенсивность крестьянского труда, многие помещики увеличивали число барщинных дней в неделю, устанавливали дневные задания – уроки, которые порой были чрезвычайно высокими. Помещик же Прушинский, возможно, именно в этот период, заменил в своём имении традиционное трёхполье на многополье и распространил передовые методы хозяйствования среди своих крестьян, подсказывая им при этом выгодные приёмы торговли.

Меры по переустройству хозяйства затронули агротехническую базу основных сельскохозяйственных работ – вспахивания, удобрения земли, посева и уборки урожая, о чём он в ноябре 1863 года сообщал в Минскую поверочную комиссию: «В деревне Лошице 27 моргов пахотной земли на участок, из числа которой 7 моргов ... засеяны следующим образом: 1й год – картофель, 2й – ячмень, 3й – клевер, 4й – пшеница, 5й – горох, 6й – рожь, 7й – овёс. Остальные ... 20 моргов разделены на пять частей по 4 морга, из коих 3 обсеяны, четвёртое поле после третьего посева оставляется в пастбу, что в техническом значении зовут зелёный пар, пятая готовится под озимый посев, или так называемый чёрный пар. В расчёт выходит 19 моргов обсеянных, 8 – необсеянных, но в том числе 4 морга на двор пастбищ, который удобряет землю» (так в оригинале – *Н.Н.*). Почве владелец даёт следующую характеристику: «...состав ея – глина с частию песку и значительной примесью раздробленной извести, и потому она прочна и способна к производительности всех плодов, в техническом названии – маргеновая земля. Урожай с общего пространства участка разных хлебов не может быть менее 5 зерен». Сенокосов лошицкие подданные не имели, однако, по мнению владельца, «при помощи клевера и кормового горошка, введённых мною, у них для содержания пары лошадей, пяти штук скота и восьми овец, каковое число каждый хозяин имеет, корма достаточно» [5, л. 8–9об].

Эти сведения обнаруживают глубокие агрономические знания и высокую культуру хозяйствования владельца Лошицы, а также его «необыкновенную доброту к подданным», на что в конце века обратил внимание «*Słownik geograficzny Królestwa Polskiego*». Возможно, именно это качество стало тем цементом, который скрепил дружбу Евстафия Прушинского и «беларускага дудара» Винцента Дунина-Марцынкевича, который даже ввёл Лошицкое имение и его владельца в круг персонажей своих произведений. Их роднило многое: служба по одному ведомству, широкий кругозор и образованность, либерализм, демократические убеждения и житейская мудрость, приобретенная за долгую жизнь среди бурных исторических событий. «У вобразе Прушынскага, – отмечает белорусский писатель и литературовед Иван Наumenко, – Вінцэнт Дунін-Марцынкевіч убачыў як бы правобраз чалавека, здольнага палепшыць лёс сялян, знайсці шляхі вызвалення ад прыгону» [6, с. 90].

Середина XIX века была периодом бурь. И для России, которая постоянно вела войны, и для Европы, охваченной в 1848 году новой волной революционного движения. Но события «весны народов», сильно взволновав поляков, всегда готовых к выступлениям, завершились поражением, хотя и не прошли бесследно. Большинству европейских стран после подавления революций пришлось окончательно ликвидировать остатки давних феодальных повинностей крестьян. В России, хоть и незатронутой европейским движением, проблема отмены крепостного права обострилась. Кризис и усиление классовой борьбы вынуждали правительство искать выход из создавшегося положения. А белорусская шляхта, воспитанная на традициях католицизма и польской культуры, под влиянием польского национально-освободительного движения накапливала гнев для будущего восстания.

Евстафий Прушинский, бывший свидетелем безуспешных польских выступлений первой половины века и едва не потерявший после 1831 года часть имения, подлежавшего конфискации, был осторожен. Сохранял лояльность к царским властям и, памятуя об ответственности за вотчину и своих подданных, для которых он был единственным защитником, политической крамолы не занимался. И власти это ценили. 26 августа 1856 года он получил бронзовую медаль в память войны 1853–1856 гг., которая была учреждена по случаю коронации Александра II. Впрочем, этой медалью награждался очень широкий круг лиц, как воевавших на Крымской войне, так и находившихся в тылу. Владелец Лошицы получил награду как один из старейших в своём дворянском роде.

19 февраля 1861 года произошло, наконец, событие, необходимость которого давно назрела и к которому, сомневаясь и опасаясь последствий, царское правительство готовилось несколько десятилетий. Александр II подписал Манифест об освобождении крестьян. В стране начинались буржуазные реформы: государственного устройства, военного дела, органов суда и прокуратуры, системы городского самоуправления, народного образования, цензуры. Предстояла огромная работа, и Евстафий Прушинский вновь стал востребован. 28 февраля 1861 года состоялось его возвращение на государственную службу, и карьерный рост отставного коллежского асессора продолжился. По приглашению министра внутренних дел и «с Высочайшего соизволения» он был назначен членом Минского губернского по крестьянским делам присутствия, «каковую должность исполнял» до 14 сентября 1863 года – до момента утверждения его в должности Минского губернского предводителя дворянства. А 4 октября того же 1863 года «в изъявление особенного Его Императорского Величества благоволения» был «Всемилоостивейше пожалован» орденом Св. равноапостольного князя Владимира 3й степени».

Не исключено, что это назначение и эта награда были связаны с событиями, происходившими в Польше и Беларуси. Восстание, охватившее запад империи, угрожало её целостности. И наряду с репрессиями и штрафами администрации края хотелось поставить себе на службу наиболее уважаемых и авторитетных представителей местной аристократии. Шляхта не была монолитом. Многие дрогнули перед лицом репрессий и, предвидя поражение, подписали верноподданническое обращение к царю, в котором сообщали о готовности доверить свою судьбу милосердию монарха, о чём в октябре 1863 года Н. Муравьёв доносил министру внутренних дел П. Валуеву, называя цифру – 3899 человек [7, с.70–79]. Не обязательно под этим обращением стояла подпись лошницкого вотчинника, но в событиях восстания он не засветился, и, возможно, поэтому был отмечен начальством.

Уже после разгрома восстания, 31 марта 1865 года, последовала очередная награда. «За особенно полезное участие в административных распоряжениях Правительства в Северо-Западном Крае во время мятежа 1863–1864 годов» Евстафий Прушинский удостоен «тёмно-бронзовой медали для ношения на груди на ленте, составленной из государственных цветов: чёрного, оранжевого и белого». Медаль эта имела два варианта: светло-бронзовый и тёмно-бронзовый. Медали из светлой бронзы полу-

чали те, кто принимал участие в боевых действиях. Тёмно-бронзовыми награждались чиновники, «находившиеся на территории военных действий, но не принимавшие участия в боевых операциях» [8, с. 163– 165]. Полагаем, в данном случае поводом для награждения стала обычная работа по служебному ведомству. Свой долг шляхтич Прушинский всегда видел в добросовестном исполнении обязанностей, но эта награда вряд ли доставила ему удовольствие или удовлетворение.

4 апреля 1865 года статус Евстафия Прушинского ещё больше вырос. Высочайшим приказом по Министерству внутренних дел за № 13 он произведён в статские советники, переместившись таким образом из 8-го в 5-й класс гражданских чинов, что делало его очень уважаемой фигурой. Спустя два года последовало новое повышение – производство «за отличие в Действительные Статские Советники». Теперь он входил в круг высшей номенклатуры, определявшей курс политики государства, с особыми привилегиями и высоким должностным окладом. А поскольку с системой чинов согласовывался порядок награждения орденами, то 2 декабря 1868 года его наградной список пополнился орденом Св. Станислава 1-й степени.

Далее награды и поощрения следовали с регулярностью. 28 февраля 1869 года пожалован знаком отличия, учреждённым за введение в действие Положения 19 февраля 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. А 15 июля 1869 года Евстафий Прушинский «по Высочайшему повелению» был «изъят от действия Положения от 10 декабря 1865 года с распространением прав, предоставленных в Северо-Западном Крае помещикам русского происхождения». Названное положение содержало исключительное ограничение на приобретение помещичьих имений в Западном крае для лиц польского происхождения. И это помимо того, что на всех польских помещиков был введён 10 %-ный налог. Чтобы заселить западные губернии «русским элементом», царская власть стремилась довести большинство поляков до разорения и добиться гарантии, что все обанкротившиеся имения попадут в русские руки. Изъятие помещика Прушинского от действия этого драконовского положения и распространение на него прав русских помещиков означало признание его абсолютной благонадёжности.

В то время ему было уже 70 лет. Тем не менее глава дворянского депутатского собрания, губернский предводитель дворянства, действительный статский советник и кавалер четырёх орденов Евстафий Прушинский не оставляет государственную службу. Работая в составе лю-

страционной комиссии, отдаёт силы и огромный хозяйственный опыт устройству крестьян Северо-Западного края, «вышедших из крепостной зависимости» (в том числе своих подданных, которым он передал более тысячи десятин земли). Занимается проверкой размеров денежных повинностей крестьян и актами о выкупе ими усадебной оседлости и полевых угодий, сравнивает качество грунтов на участках и заслушивает возражения несогласных [9, л.136–138; 10, л. 292–293об].

Но этим круг его обязанностей не ограничивается. Согласно данным Памятной книжки Минской губернии за 1874 год он возглавляет губернский комитет общества попечительного о тюрьмах, совет минских богоугодных заведений, совет Минского благотворительного общества. Памятная книжка за тот же 1874 год упоминает Евстафия Прушинского и среди учредителей Общества попечения о больных и раненых. 27 июля 1870 года за усердие и полезные труды по предъявлению и утверждению люстрационных актов он «Всемилоостивейше получил общее Высочайшее благоволение», а 1 января 1872 года награждён орденом Св. Анны 1-й степени.

Свои служебные обязанности предводитель Минского дворянства, действительный статский советник Евстафий Прушинский исполнял до последнего дня. Умер 4 марта 1877 года в возрасте 80 лет [11]. Возможно, на закате своей долгой жизни сожалел о чём-то упущенном, несделанном, упрекал себя за ошибки и промахи, грустил о потерях, о неродившихся детях. Прожив жизнь соломенным вдовцом, возможно, был разочарован в семейных отношениях, но не одинок. О его уходе искренне сожалели родные, друзья, соседи и бывшие подданные. Вотчина, в которую более 50 лет вкладывал душу этот труженик, превращая её из руины в экономический и культурный оазис, эта вотчина прощалась с ним и переходила к следующему владельцу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Доўнар-Запольскі, М. В.* Гісторыя Беларусі. Энцыкл., Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Мінск: БелЭн, 1994.
2. Национальный исторический архив Беларуси, ф. 142, оп. 1, д. 761.
3. *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich.* Т. 5. Warszawa, 1884.
4. Национальный исторический архив Беларуси, ф. 319, оп. 3, д. 272.
5. Национальный исторический архив Беларуси, ф. 1595, оп. 2, д. 1715.

6. *Навуменка, І. Я.* Вінцэнт Дунін-Марцынкевіч. Мінск: Навука і тэхніка, 1992.
7. *Гулак Н.* Слуга цару // Спадчына. 1995. № 1. С. 70 – 79.
8. *Кузнецов А., Чепурнов Н.* Награды периода Польского восстания. 1863–1864 гг. // Наградная медаль. в 2-х томах. М. : Патриот, 1992. – Т. 1.
9. Национальный исторический архив Беларуси, ф. 242, оп. 2, д. 7.
10. Национальный исторический архив Беларуси, ф. 242, оп. 2, д. 12.
11. «Псевдо-князя» Прошинские (Прушинские) герба «Lubicz»: история, легенды и генеалогия рода. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.academia.edu/44521359/>. (дата доступа 04.09.2021).

ВИЗУАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ ТУРИСТИЧЕСКОГО БРЕНДА

VISUAL COMMUNICATIONS OF THE TOURIST BRAND

Е. Л. ПАРХОЦ, О. Е. ГОПИЕНКО

E. L. PARHOC, O. E. GORPENKO

Белорусский государственный университет

Минск, Республика Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Republic of Belarus

e-mail: kate.parchoz99@gmail.com, gopienko@bsy.by

Авторы статьи рассматривают различные подходы в создании национального бренда, сравнивают бренды нескольких стран. Вопросы сохранения традиций, отражение их в визуальных коммуникациях решаются совместно с необходимостью отвечать современным вызовам рынка и развития культурных связей.

Ключевые слова: брендинг; дизайн; айдентика.

The authors of the article consider various approaches to creating a national brand, compare the brands of several countries. The issues of preserving traditions, their reflection in visual communications are solved together with the need to meet modern market challenges and the development of cultural ties.

Keywords: branding; design; identity.
